

ГЛАВА 9. ГУЙСЮЙ

— Ты всерьез не знаешь, что такое Гуйсюй? — Бу Цинь изумленно воззрился на Цзя Диньи. — Как же ты тогда умудрился так натренироваться?

Слуга остался бесстрастным, но если бы ноги Бу Циня сохранили хоть каплю чувствительности, он бы взвыл от боли — Диньи мертвой хваткой вцепился в его бедро.

Бу Цинь, не подозревая, что на ноге уже расплывается багровый кровоподтек, продолжал гнуть свое:

— Ну правда, как можно не знать про Гуйсюй? Ты вообще какой школе следовал?

— Тебя бы спросить, — отозвался Цзя Диньи. — Не ты ли всё это описывал в своих свитках?

«Стал бы я тратить силы на проработку второстепенного пушечного мяса вроде тебя», — пронеслось в голове у Бу Циня, но вслух он этого, конечно, не сказал. Лишь виновато кивнул. Впрочем, Диньи и без слов всё прекрасно понял по его глазам.

В груди слуги вспыхнула ярость, но, скрываясь за дверью, он не мог дать ей волю. Немного успокоившись, он спросил:

— Гуйсюй — это, по-твоему, основа боевых искусств?

— А вы проницательны, господин Диньи! — тут же подлизался Бу Цинь.

Но лесть явно не сработала. Цзя Диньи лишь холодно усмехнулся:

— Куда мне до тебя. Черкнешь пару строк — и решаешь, кому жить, а кому умирать.

— Ну что вы, что вы... — Бу Цинь поспешил сменить тему и принялся разьяснять устройство этого мира.

Собравшись с мыслями, он начал:

— Видишь ли, это вымышленная вселенная. Весь сюжет здесь крутится вокруг мира боевых искусств и кунг-фу.

— «Вымышленная»? — прервал его Диньи.

— Это значит, — пояснил Бу Цинь, — что мир в книге не настоящий. Его придумал автор в своей голове.

— То есть мир, в котором я живу, — не просто книга, а плод твоей фантазии? — Диньи остался бесстрастным, но в голосе проскользнула непривычная слабость. — Получается, эта реальность фальшива до самого основания.

Бу Цинь не нашел в себе ни сил, ни дерзости насмеяться над ним. Напротив, он даже попытался его утешить:

— Вымышленный мир не значит «взятый с потолка». Он строится на фундаменте реальности. Но в настоящем мире есть незыблемые законы смерти, а здесь мы вольны делать всё, что захотим. Главное — не нарушать правила этой вселенной.

— Чувствовать себя творцом, должно быть, очень приятно? — спросил Цзя Диньи.

«Было бы очень... — подумал Бу Цинь, — пока я не встретил тебя, скрытого босса, который вместо того, чтобы бить главного героя, решил взяться за меня».

Вслух же он вернулся к теории:

— В боевых искусствах главное — внешняя сила и внутренняя энергия, Ци. И тут возникает вопрос: откуда берутся эта сила и энергия и где они хранятся?

Заметив презрительный взгляд Диньи, Бу Цинь прочистил горло. Это была привычка: он заметил, что важные персоны в кино всегда так делают перед серьезным заявлением. Со временем ему стало казаться, что этот звук помогает привлечь внимание.

Однако для Диньи этот короткий кашель был лишь попыткой скрыть страх и малодушие. Для слуги Бу Цинь был жалким слабаком, чья боеспособность едва ли дотягивала до уровня дворняги.

Сам же «слабак» облизнул губы и продолжил:

— Сила порождается энергией. Если накачать только мускулы, но не иметь внутри Ци, превратишься в надувную куклу — с виду внушительно, а толку ноль.

Диньи удивился. Бу Цинь понял, что опять сказал что-то странное.

— Надувная кукла — это как деревянный манекен для тренировок, — быстро исправился он.

Если бы он объяснил истинное назначение таких кукол, Динъи точно бы его высмеял. Поэтому Бу Цинь снова кашлянул и продолжил:

— Силу развить просто: работай побольше, заучивай приемы. К тому же предел физической силы у всех примерно одинаков. А вот что по-настоящему разделяет мастеров на великих и никчемных — так это Ци.

— Энергия неосязаема, ее нельзя потрогать, — рассуждал Бу Цинь. — Но ее совершенствованию нет конца. Если не лениться, уровень Ци можно поднимать бесконечно.

— Значит, талант не важен? — уточнил Цзя Динъи. — Только усердие?

— Если бы... В этом мире, как и везде, всё решает «лицо». Энергию-то тренировать можно, да вот удержать ее удастся не каждому.

— Сосуд для хранения энергии и есть Гуйсьюй? — догадался Динъи.

— Именно! — Бу Цинь снова заискивающе заулыбался. — Вы невероятно сообразительны. У каждого человека, будь то старик или ребенок, мастер или обычный крестьянин, есть Гуйсьюй. Он находится в районе груди. Но если человек никогда не занимался боевыми искусствами, Гуйсьюй просто не пробудится.

— Гуйсьюй... Означает ли это «возвращение в пустоту»? — В голосе Динъи впервые прозвучало нечто похожее на одобрение. — А ты, оказывается, довольно начитан.

— Да нет, не совсем... — Бу Цинь не решился присваивать себе лавры. — Гуйсьюй — это легенда из моего родного мира. Антипод Куньлуня. Один — исток всего сущего, другой — его конец.

— Куньлунь... Гуйсьюй... — Динъи нахмурился. — Тогда в твоих настройках ошибка. Если Гуйсьюй — это вместилище, откуда в нем берется энергия? Она рождается внутри или приходит извне?

Этот вопрос поставил Бу Циня в тупик. Он и не подозревал, что этот жестокий слуга обладает интеллектом на уровне лидера преступного синдиката.

— Конечно... Конечно, я всё продумал! — Бу Цинь невольно повысил голос.

Его вскрик тут же привлек внимание тех, кто находился в зале.

— Кто там за дверь? — громогласно осведомился Дуань Буи.

— Брат, это я! Бу Цинь! — Третий молодой господин легонько подтолкнул Динъи, призывая его вынести себя на свет.

В центре зала восседали Дуань Буи и старец Юньцзунь. Маленький Дуань Упинь примостился на руках у отца.

Дуань Чэнь-ши и Дуань Бучэнь вошли раньше них и уже заняли свои места. Старшая госпожа с улыбкой заметила:

— Третий господин совсем заскромничал. Стоит у порога и не заходит. Неужели моего приглашения мало, и нужно звать второй раз?

Бу Цинь замялся, не зная, что ответить, но Цзя Динъи пришел на помощь:

— Прошу прощения, господин, госпожа. Третий господин считает себя младшим в семье и, узнав о прибытии почетного гостя, не посмел войти без зова, чтобы не прерывать важную беседу. Старшая госпожа была столь добра, что позволила мне нести его следом, но я оказался слаб и не поспел за ее быстрыми шагами.

Бу Цинь мысленно похвалил слугу. Тот извернулся не хуже заправского интригана.

Дуань Буи удовлетворенно кивнул и не стал развивать тему:

— Это старец Юньцзунь. Поприветствуй его.

Поскольку Бу Цинь не мог стоять, Цзя Динъи пришлось поддерживать его под руки. Опираясь на слугу, Третий молодой господин изобразил некое подобие поклона.

Подняв взгляд на гостя, Бу Цинь почувствовал разочарование. Старик выглядел совершенно обыденно: серая внешность, белая борода едва достает до груди. «Наверное, я встретил его слишком рано, — подумал Бу Цинь, — борода еще не успела отрасти до приличной длины».

Юньцзунь, заметив разочарование на лице юноши, усмехнулся:

— Третий господин чем-то озадачен? У вас такой вид, будто вы ожидали увидеть нечто иное.

— Что вы, что вы, — Бу Цинь замахал руками и едва не потерял равновесие.

Динъи вовремя подхватил его, а Бу Цинь инстинктивно вцепился ему в пояс.

«Надо же, какой крепкий», — мелькнуло в голове. Впервые в жизни он обнимал такого атлета,

пусть даже этот атлет в любую секунду мог свернуть ему шею.

Когда его усадили на самое почетное с конца место, Бу Цинь наконец выдал:

— Вы просто... немного не такой, каким я вас воображал.

Он сказал правду, но старец нахмурился:

— Неужели мы встречались прежде? Ваше лицо кажется мне знакомым, но я никак не могу вспомнить, где видел вас.

«Не встречались, точно не встречались», — подумал Бу Цинь. Старик явно любил прихвастнуть связями, жаль только, что в данном случае он «узнал» обычное пушечное мясо.

— Старец шутит, — вмешался Дуань Буи. — Мой младший брат с детства прикован к постели и почти не покидал поместья. — Он снова перевел взгляд на сына. — То, что случилось с моим мальчиком — злой рок. Вы, Юньцзунь, всегда славились своим милосердием. Не взглянете ли на него? Быть может, он достоин вашего наставничества?

«Наставничества... муштры...» — Бу Цинь вытаращил глаза. Слышать от отца просьбу «воспитать» пятилетнего ребенка от какого-то странного деда звучало для современного человека почти двусмысленно.

Но, судя по лицам окружающих, это было в порядке вещей. Бу Цинь посмотрел на Дуань Упиня. Малыш с абсолютно невинным видом засунул кулачок в рот и сосредоточенно его обсасывал. Наконец он вытащил руку, за которой потянулась тонкая серебристая нить слюны, и завороченно уставился на нее. Бу Цинь почти читал его мысли: «Ой, а это что за штука? Такая вкусная и липкая!»

Следом Упинь вытер слюнявую руку о дорогую одежду отца и снова принялся грызть кулак. Дуань Буи брезгливо поморщился.

Старец Юньцзунь тоже нахмурился. Казалось, он колеблется:

— Молодой господин Упинь действительно наделен редким талантом. Но этот недуг... Если его разум не прояснится, боюсь, путь воина для него закрыт навсегда.

— Больно! — вдруг вскрикнул ребенок и заерзал, заливаясь плачем.

Старшая госпожа тут же приказала служанке Цуй'э унести мальчика к кормилице. Никто не заметил, кроме зоркого Цзя Дин'я, что произошло на самом деле. Дуань Буи, услышав, что сын не сможет стать воином, непроизвольно сжал руку, которой придерживал ребенка — это и

напугало малыша.

Когда плач Упиня затих вдаль, Дуань Буи сокрушенно вздохнул:

— Его мать рано ушла из жизни. Хотя Жоунянь заботится о нем, она всё же не родная. Он совсем кроха, да еще и травма головы... Его будущее кажется мне беспросветным. Я не прошу для него великих свершений, лишь бы он мог постоять за себя.

Дуань Чэнь-ши — та самая «Жоунянь» — хоть и носила нежное имя, по характеру была далека от кротости. Бу Цинь создал ее как дочь мастера боевых искусств, оставшуюся с приличным наследством.

Услышав слова мужа о том, что она «всё же не родная», госпожа едва заметно нахмурилась, но быстро приняла смиренный вид:

— Господин прав. Как бы я ни старалась, в его сердечке — только покойная мать. К тому же у меня подрастает Уин, я просто разрываюсь. Упинь — старший сын, и если он останется калекой, вина падет на меня, мачеху.

Бу Цинь слушал и недоумевал: «Какой еще "признает только родную мать"? Он же говорить не умел, когда она умерла!»

Тем временем притворная печаль госпожи подействовала на старца. Он погладил бороду:

— Что и говорить, родительское сердце полно тревог. Жаль губить такого одаренного ребенка в беспамятстве.

— Значит ли это, что вы согласны взять его в ученики? — В голосе Дуань Буи звучала надежда, но Бу Цинь видел, как в его взгляде вспыхнуло торжество.

Хитер же Дуань Буи! Сначала разыграл карту «сиротства», потом — «несчастливого отца». Он знал, что Юньцзунь отходчив, и бил в самое больное место. А госпожа подыграла ему, едва не пустив слезу.

— Взять его в ученики не трудно, — ответил наконец Юньцзунь. — Но я человек перелетный, привык вести жизнь вольную и кочевую. Боюсь, мальчику такие тяготы будут не под силу.

Дуань Буи замер:

— Вы хотите сказать... что заберете Дуань Упиня с собой?

<http://bllate.org/book/17444/1657065>